

КОМПРЕССИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ НАРРАТИВЫ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

А.Ю. Помникова

Аннотация. В статье рассмотрен материал, собранный в результате анкетирования китайских студентов в возрасте от 17 до 26 лет. Им предлагалось рассказать о своей семье и старших поколениях (вторая часть анкеты), а также указать состав семьи и круг семейного общения (первая часть). Целью нашего исследования было изучение того, *что и как* рассказывают о своих семьях китайские граждане, когда им предлагается ответить на соответствующие вопросы анкеты. Данный метод предполагает краткость (неразвернутость) ответов, что позволяет собрать богатый материал компрессионных, максимально сжатых сообщений на заданную тему. Для достижения поставленной цели мы решили следующие задачи: 1) описали и терминологически определили разновидность нарративов, представленную в собранных анкетах; 2) выявили наличие и частотность различных видов семейных нарративов в собранных материалах; 3) проанализировали структуру и содержание каждой группы семейных нарративов. Все ответы респондентов во второй части анкеты с точки зрения адресантов мы классифицировали как компрессионные семейные нарративы, поскольку за каждым из них «скрывается» семейная история. Это краткие, предельно «сжатые» описания всего, что касается семьи: ее самой, ее субъектов, отношений внутри и т.п. Но если для говорящего / пишущего за каждым словом в подобном описании скрывается целая история с многочисленными отсылками к прошлому, то реципиент информации воспринимает непосредственно сказанное / написанное – с учетом того опыта и знаний, которыми обладает он сам. Поэтому с точки зрения адресата информации мы разделили все высказывания на четыре типа: нарративные (собственно семейные нарративы), дескриптивные (дескриптивы), дескриптивно-нарративные и указательные (указатели). Компрессионные семейные нарративы были также проанализированы с точки зрения коммуникативного синтаксиса, прибегнув к классификации, предложенной В.С. Панфиловым. В статье рассмотрено не только то, *как* респонденты рассказывают о своей семье, но и *что*, т.е. какую именно информацию о своей семье и ее субъектах они транслируют вовне (во внесемейном дискурсе). Ответы в первой части анкеты позволяют судить о том, кого респонденты – молодые граждане Китайской Народной Республики – считают своей семьей и с кем из родственников они поддерживают общение.

Ключевые слова: нарративы; семейные нарративы; компрессионные нарративы; Китай; семья; история семьи; семейная история.

Введение

Признание того факта, что рассказывание историй является наиболее естественной формой коммуникации и восприятия информации, привело к появлению нарратологии и огромному исследовательскому интересу к нарративам. Катрин Риесманн объясняет его сочета-

нием нескольких факторов: нарративным поворотом в гуманитарных науках, расцветом мемуаристики (настоящим «мемуарным бумом») в литературе и массовой культуре, процветанием политики идентичности (политики, основанной на этнической, религиозной и языковой принадлежности) в Соединенных Штатах, активизированием международных движений самых разнообразных маргинальных групп и зарождением терапевтической культуры, которая активно прибегает к историям жизни в самых разнообразных терапевтических практиках [1. С. 1].

Нарративы рассматриваются в самых разнообразных исследованиях со всевозможных точек зрения: нарративы как способы конструирования и поддержания идентичности [2], нарративы в переводоведении [3], билингвологии [4] и педагогике [5], нарративы как способ оценочного исследования [6], нарративы в изображениях [7] и в области Life Writing [8, 9]. Они изучаются в психотерапии [10] и нейролингвистике [11]. Выделяют и исследуют нарративы персональные [12, 13], семейные [14–16], институциональные [17, 18] и социальные [19], «пренебрегаемые нарративы» [20], нарративы о потерях и утрате [21, 22] и об эмоциональных переживаниях [23]. Отдельным направлением стала нарративная этнография [24–26]. В области лингвистики нарративы активно изучаются в исследованиях по семейной коммуникации [27–32]. Рассматриваются такие понятия, как структуры нарративов (narrative frameworks) и нарративный контекст (narrative environments) [13].

В ряде исследований подчеркивается непосредственная связь нарративов с прошлым. Некоторые ученые придерживаются мнения, что именно ретроспективность является определяющим критерием нарратива: «нарративы ретроспективы по своей сути» [33. С. 12]. В области актуального для исследователей вопроса человеческой памяти изучение нарративов может прояснить «как именно, как много и насколько достоверно люди помнят о своем прошлом», а также «содержимое памяти и выполняемые ею функции» [34. С. 91]. Последний вопрос – «почему люди помнят как повседневные, обыденные, ничем не примечательные, так и значимые, важные жизненные события, зачастую – на протяжении довольно длительного времени» [35. С. 92]: изучается в рамках функционального подхода. Д.Б. Пиллемер выделил три основные функции человеческой памяти [36]: директивную (события прошлого учитываются при выстраивании собственного поведения в настоящем и будущем), внутреннюю (память как основа целостности личности, ее идентичности) и коммуникативную (для выстраивания социальных связей). С. Блак и Н. Алеа использовали ту же терминологию, заменив название последней функции на «социальная» [35].

Рассматривая опосредованность нарративов памятью, О.В. Горбунова приходит к выводу, что невозможно «зафиксировать прошлое таким, каким оно было... Все, что нам доступно, – это версия прошло-

го, составленная из фрагментов воспоминаний, сплетенных в более или менее связанную историю жизни, с предположением о причинно-следственных связях» [37. С. 110].

Возможно, из-за подобного разнообразия подходов к нарративам отсутствует единая дефиниция данного феномена. Очень часто под нарративом понимается «сама рассказанная история, повествование» [38. С. 42]. Т.В. Гуляева определяет нарратив как «повествование о событиях, образующих его сюжет» [39. С. 37], О.В. Горбунова – как «рассказ в плане его процессуальности, сообщение о каком-либо событии в его временной последовательности», при этом крайне важна неразрывная связь повествования с «интерпретацией входящих в его состав фактов» [37. С. 109]. Ю.М. Беспалова трактует нарратив как «повествование, которое ведется от имени рассказчика, выражает его позицию, а также отражает конкретную ситуацию, из которой ведется разговор» [40. С. 21]. При этом «в нарративном тексте особому конструируется действительность, отбираются и комментируются события прошлого, осуществляется ценностный подход к реальности, пересекаются социальные и индивидуальные события» [40. С. 21]. Рассматривая туристические нарративы, Е.Е. Меньшикова определяет их как «зафиксированное в виде текста дискурсивное образование, представляющее собой воссоздание фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных событий, происходящих в определенных пространственно-временных рамках» [41. С. 229]. У. Лабов трактует нарратив как «последовательность двух или более нарративных простых предложений, разделенных одним или более темпоральным указателем (указателем на определенный момент времени)» [42. С. 226]. Л.А. Вертынская понимает под нарративом «процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного текста» [43. С. 91]. Нарратив рассматривается и как «разновидность речеповеденческого стереотипа», характеризующего определенную культуру, как «адаптационно-приспособительный механизм, опирающийся на информацию об опыте» [44. С. 38–39].

Другим подходом к нарративам является их рассмотрение как «кратких, тематически определенных историй, описывающих характер, окружающую обстановку, сюжет и т.п.» [1. С. 1]. Среди русскоязычных исследований данному определению близка позиция Е.И. Шейгала, рассматривающего нарратив как «способ экспликации смысловых доминант» [45. С. 86], как «текст лозунгового типа», «мини-текст... как правило, заключенный в рамки одного предложения, максимум абзаца» [Там же. С. 88]. При этом данный текст выступает «одновременно и сюжетом, и заголовком текста, и аннотацией, и самим текстом, который существует виртуально, как инвариант в дискурсивном сознании социума» [Там же. С. 89].

Методология исследования

Для проведения исследования мы разработали анкету и провели опрос среди китайских студентов. Всего было опрошено 113 граждан КНР в возрасте от 17 до 26 лет. Анкета содержала вопросы (и предполагала ответы) на китайском языке – родном языке наших респондентов.

Анкета включала пять открытых вопросов, предполагающих свободную форму ответа. При этом целью первых двух вопросов было выявление того, как респонденты понимают семью и с кем из родных они общаются, а вопросы с третьего по пятый предполагали описательные ответы, которые мы классифицируем в данной работе как компрессионные семейные нарративы.

Поскольку семейные нарративы являются своеобразной «квинт-эссенцией» семейной истории, они могут содержать любую информацию, являющуюся частью истории семьи. Это могут быть самые разнообразные сведения о субъектах данной семьи, их взаимоотношениях (включая отсутствие таковых), исторических событиях, имеющих прямое отношение к истории данной семьи, месте и условиях проживания любого из субъектов данной семьи, организации быта субъектов данной семьи, внутрисемейных традициях, обычаях, верованиях, убеждениях, ценностях и т.д.

В наших анкетах мы просили респондентов рассказать о 1) составе их семьи («你的家庭都有谁?» – *nǐ de jiāting dōu yǒu shéi* – кто входит в вашу семью / из кого состоит ваша семья?), 2) круге их семейного общения («你和哪亲戚有联系?» – *nǐ hé nǎ qīnqī yǒu liánxi* – с кем из родственников вы общаетесь?), 3) собственно семье («请简单介绍一下你的家庭» – *qǐng jiǎndān jièshào yíxià nǐde jiāting* – пожалуйста, расскажите немного о своей семье, 4) бабушках-дедушках («你都知道你祖父母的哪些事?» – *nǐ dōu zhīdao nǐ zǔfùmǔ de nǎ xiē shì* – что вы знаете о своих бабушках и дедушках?), 5) прабабушках-прадедушках («你都知道你曾祖父母的哪些事?» – *nǐ dōu zhīdao nǐ zēng zǔfùmǔ de nǎ xiē shì* – что вы знаете о своих прабабушках и прадедушках?).

Анализ полученного материала был произведен с помощью качественного и количественного контент-анализа: было рассмотрено и просчитано, что именно, в какой форме и как часто рассказывалось респондентами в ответе на каждый вопрос.

Исследование и результаты

Семейные нарративы. Человек постоянно продуцирует и воспринимает истории о своей семье, ее прошлом, настоящем и будущем, о различных субъектах своей семьи. Происходит это не только во внут-

рисемейном дискурсе, но и во внешнем. Подобные истории могут быть самой различной длины – от односложных высказываний до развернутых многочасовых повествований и многотомных мемуаров. В настоящем исследовании в качестве объекта были выбраны высказывания респондентов об их семьях и двух старших поколениях – бабушках-дедушках и прабабушках-прадедушках. Форма ответов была свободная, поскольку нас интересовало не только их содержание, но и способ конструирования. Однако анкетирование не предполагает протяженных развернутых ответов, поэтому самым длинным в наших материалах оказалось повествование, состоящее из пяти предложений. Самые краткие ответы содержали всего одно слово.

Мы определяем семейную историю как любой контент, сохраняющий и передающий информацию о семье. И развернутые повествования о своей семье или о ком-то из ее субъектов мы классифицируем как *семейные нарративы*. Для предельно кратких, «сжатых» описаний мы используем термин «компрессионный семейный нарратив». Компрессионный семейный нарратив – это сообщение (состоящее из одного или нескольких высказываний), которое продуцирует информант, чтобы в максимально сжатой, предельно краткой форме рассказать о своей семье, передать о ней определенную информацию. Поскольку то, что сообщается респондентом, является своеобразным рассказом (=представлением информации для внешнего реципиента), мы и в данном случае используем термин «нарратив» но с соответствующими уточнениями. Ведь эта информация является концентрированной формой представления семейной истории человека – даже просто характеризуя свою семью с использованием качественных прилагательных, респондент делает подобный «вывод» на основании всего предыдущего опыта общения с собственной семьей и ее субъектами.

При анализе подобных высказываний нас интересует, *что именно* и *как* рассказывает индивид о своей семье. При этом для любого говорящего продуцируемые им высказывания будут являться компрессионными в том смысле, что за кратким сообщением, которое человек «транслирует вовне» о своей семье, скрывается целая часть ее истории.

Однако форма представления подобных семейных нарративов (воспринимаемая и значимая уже для реципиента информации) может быть нескольких видов.

Проанализировав ответы респондентов, мы разделили представленные в них сообщения на четыре вида:

1) нарративные, или повествовательные (собственно нарративы), – содержат информацию о значимых и / или поворотных событиях в истории семьи или в семейной жизни ее субъектов, об изменении состояния (раньше было так, а сейчас по-другому);

2) дескриптивные, или описательные (дескриптивы), – содержащие описание самой семьи, ее субъектов;

3) нарративно-дескриптивные – сочетают в себе информацию первых двух типов;

4) указательные (указатели) – лишь указывают на определенную информацию, но не раскрывают ее («знаю, но не скажу»).

Мы также рассмотрели собранные нами компрессионные семейные нарративы с точки зрения коммуникативного синтаксиса. Мы использовали классификацию, предложенную В.С. Панфиловым, в которой высказывания делятся в зависимости от варианта их тематической организации на три типа [46. С. 69]:

а) монотематические (в сообщении, продуцируемом информантом, содержится только рема);

б) расчлененные (содержащие и тему, и рему) – тематические;

в) расчлененные высказывания с уточнением (содержащие тему, рему и уточнение описываемой ситуации) – тема-рематические с уточнением.

Рассмотрим распределение типов компрессионных семейных нарративов и характер сведений, в них сообщаемых, для каждой из трех групп (вопросы анкеты 3–5).

Компрессионные семейные нарративы о семье. При ответе на третий вопрос анкеты (о своей семье) респонденты чаще всего прибегали к дескриптивным высказываниям (109 ответов) и совсем редко – к нарративным (1) и нарративно-дескриптивным (3) – 96,5 и 3,5% соответственно. Указательные высказывания в данном вопросе не использовал ни один респондент.

По классификации В.С. Панфилова 59 высказываний (52%) относятся к монотематическому типу (например, «时而和睦。时而争吵» (shí'ér hé mù. shí'ér zhēngchǎo – то живем в согласии, то ссоримся) или «幸福, 和谐, 欢乐» (xìngfú, héxié, huānlè – счастливая, гармоничная, веселая)), 45 (40%) – к тема-рематическому (например, «家庭和睦» (jiā tíng hé mù – семья дружная) или «我的家庭福美好像童话一样» (wǒ de jiā tíng fú měi hǎo xiàng tóng huà yī yàng – моя семья счастливая и прекрасная, прямо как в сказке)) и 9 (8%) – к тема-рематическому с уточнением (например, «我的家里有五口人, 父母和两个姐姐, 还有我» (wǒ de jiā lǐ yǒu wǔ kǒu rén, fù mǔ hé liǎng ge jiějie, hái yǒu wǒ – в моей семье пять человек: родители, две старшие сестры и еще я)).

Дескриптивные сообщения чаще всего использовались для описания качества жизни в семье, ее характеристики – как правило, респонденты выбирали качественные прилагательные, создающие положительный образ семьи.

Указание на качество семейной жизни или описание семьи содержали 94 ответа (83%), из них 61 высказывание (54% от общего

числа ответов) включало только данную характеристику (например, «是一个充满爱和和睦的家庭» (shì yī ge chōngmǎn ài hé hé mù de jiā tíng – преисполненная любви и дружная семья)), в остальных качественное описание семьи упоминалось в сочетании с другими признаками (например, «单亲家庭 / 平平淡淡. 普普通通» (dānqīn jiā tíng / píng píng dàn dàn. pǔ pǔ tōng tōng – семья с одним родителем, самая заурядная и обычная)).

Дескриптивы данной группы чаще всего содержали такие лексемы, описывающие семью, как 幸福 (xìngfú – счастливый) – упоминалась в 39 анкетах (34,5%), 和睦 (hé mù – дружный) – в 29 (26%), 和谐 (héxié – гармоничный) – в 13 (11,5%), 美满 (měimǎn – прекрасный, счастливый, благополучный) – в 16 (14%), 欢乐, 愉快 или 快乐 (huānlè – радостный, веселый; yúkuài – веселый, радостный, приятный; kuàilè – веселый, радостный) – в 3 (3%), 温馨 (wēnxīn – теплый, дружелюбный, сердечный) – в 4 (3,5%), 团结 (tuánjié – сплоченный) – в 4 (3,5%), 挺好 (tínghǎo – превосходный, наилучший) – в 3 (3%). Всего положительный образ семьи представили 87 опрошенных (77%).

Только один респондент рассказал о негативной семейной обстановке: «家庭状况不是非常好, 父母经常吵架» (jiā tíng zhuàng kuàng bù shì fēicháng hào, fù mǔ jīngcháng chǎojià – обстановка в семье не очень хорошая, родители часто ссорятся).

10 респондентов (9%) охарактеризовали свою семью как обычную: чаще всего использовались лексемы 普通 (pǔtōng – обычный, обыкновенный, простой, рядовой) – 5 словоупотреблений, 简单 (jiǎndān – простой) – 3, 平淡 (píngdàn – заурядный) – 2 словоупотребления.

44 дескриптива (39% от общего числа ответов) содержали сообщения о размере семьи или количестве человек в семье (25 ответов – 22%) и ее составе (19 ответов – 17%). В первом случае респонденты использовали лексемы 小 (xiǎo – маленький), 不大 (bù dà – небольшой), 大 (dà – большой) или их же – с уточнениями: 很小 (hěn xiǎo – очень маленький), 非常小 (fēicháng xiǎo – чрезвычайно маленький), либо указывали количество человек, как правило, используя конструкцию «числительное + 口之家» или «一家 + числительное + 口». При упоминании состава семьи респонденты чаще всего прибегали к рамочной конструкции «由...组成» (yóu... zǔchéng – состоит из) или к простому предложению наличия с 有 (yǒu – иметь, у кого есть). Хотя встречались и ответы простого перечисления: 我 + 爸妈 + 弟弟 (wǒ + bà mā + dìdì – я

+ мама папа + младший брат). Один респондент представил свою семью через родословную структуру, указав не только прямых предков, но и других детей и внуков собственных бабушек и дедушек, используя для обозначения последних (т.е. своих двоюродных братьев и сестры) лексемы 哥 (по линии отца), 小弟 и 小妹 (по линии матери).

В анкетах использовались также графические изображения, в некоторых случаях их можно расценить как дополнительный элемент украшения, но в одной анкете именно рисунок являлся центральным, а надпись «幸福美满的家庭» (xìngfú měimǎn de jiāting – счастливая, благополучная семья) была помещена в стороне от него и может быть воспринята как уточнение графического представления информации.

Единственное нарративное высказывание среди всех ответов на вопрос о семье представляло собой сообщение о происхождении семьи, свидетелествовавшее о ее иммигрантском статусе: «我的家庭移民到中国» (wǒ de jiāting yímin dào zhōngguó – моя семья иммигрировала в Китай). При этом не было обозначено ни изначальное место проживания семьи, ни время эмиграции. В ответах на другие вопросы данный респондент (молодой человек 23 лет) указал на состояние здоровья бабушки и дедушки по отцу (не упомянув родителей матери), при этом перечислив представителей именно материнской линии (тетей со стороны матери (姨们) и старших сестер (姐姐们)) при описании круга своего внутрисемейного общения. Про поколение своих пра респондент ответил «不太了解» (bù tài liǎojiě – не очень хорошо знаю).

Еще три высказывания мы классифицировали как дескриптивно-нарративные. «汉族与朝鲜族共同繁荣的家庭» (hànzú yú cháoxiǎnzú gòngtóng fánróng de jiāting – семья, в которой сообща успешно развиваются (процветают вместе) китайцы и корейцы). К нарративной части относится указание на происхождение семьи (ее межнациональность) – первая часть (汉族与朝鲜族 – китайцы и корейцы), к дескриптивной – на процветание, успешное функционирование – вторая часть (共同繁荣的家庭 – семья, в которой процветают вместе). По тому же принципу (сначала – нарратив, затем – дескриптив) построен ответ «自从妈妈离世以后, 家里就变得蛮压抑的» (zìcóng māma lishì yǐhòu, jiālǐ jiù biàn de mán yāyì de – после того как мама скончалась, (атмосфера) в семье стала весьма подавленной). В другом примере сначала идет дескриптивная часть (описание семьи), а после – нарративная, указывающая на изменения, произошедшие в семье: «我家还挺好的啊, 虽然我爸妈原来吵架, 但是现在就挺好的啊» (wǒ jiā hái tǐng hǎo de a, suīrán wǒ bà mā

yuánlái chǎojià, dànrshì xiànzài jiù tǐng hǎo de a – моя семья замечательная, хотя раньше мои родители ссорились, но сейчас все прекрасно).

При ответе на вопрос о своей семье ни один респондент не использовал указательное высказывание, зато их количество в ответах на последующие два вопроса весьма значительно.

Компрессионные семейные нарративы о бабушках и дедушках.

При ответе на вопрос о своих бабушках и дедушках респонденты помимо выделенных нами 4 групп высказываний (нарративные (12 ответов – 11%), дескриптивные (37 ответов – 33%), нарративно-дескриптивные (7 ответов – 6%) и указательные (33 ответа – 29%)) использовали также сочетания нарративов и указателей и дескриптивов и указателей – по 2 ответа в каждом случае. Ничего не ответили на вопрос о бабушках и дедушках 5 респондентов (4%), еще 15 (13%) сослались на свое незнание.

Наиболее частыми стратегиями рассказывания стали дескриптивы и указатели.

В дескриптивах чаще всего описывались такие категории (иногда – по отдельности, иногда – совместно), как род деятельности, занятия, работа (10 сообщений), образование (или его отсутствие) или определенные знания / умения (3), оценивающая характеристика (либо самих бабушек-дедушек, либо событий их жизни) (20) или характеристика без оценки (4), хорошее здоровье (4), еда (2), привычки (2). Однократно в ответах упоминались привычки, долголетие, слабое здоровье, возраст, состав семьи, чувства. В 18 сообщениях была использована тема-рематическая модель построения, в 17 – рематическая и только в 2 случаях – тема-рематическая с уточнением.

При анализе указателей нами было выделено 28 категорий, использованных респондентами для обозначения того, что им известно. Наиболее распространенными были такие категории, как 经历 (jīnglì – история, прошлое, биография) и 故事 (gùshi – история, факты прошлого), – 5 человек, 职业 (zhíyè – занятие, дело, профессия, род деятельности) – 7, 生日 (shēngrì – день рождения) – 4, 属相 (shǔxiàng – знак зодиака года рождения) – 6, 爱好 (àihào – хобби) – 10, 年龄 (niánlíng – возраст) – 16, 名字 (míngzì – имя) – 8 человек. Три респондента указали на свою хорошую осведомленность о бабушках и дедушках без уточнения конкретных категорий знания. Среди указательных высказываний по рематической модели был выстроен 21 ответ, по тема-рематической – 15, а по тема-рематической с уточнением – только 1.

В рассказах о своих бабушках и дедушках респонденты уже значительно чаще прибегали к собственно нарративам: как в «чистом» виде («他们的结合是父母之命，媒妁之言.» (tāmen de jiéhé shì fùmǔ zhī mìng méishuòzhīyán – их бракосочетание было организовано родителями

ми при посредничестве свахи)), так и – изредка – в сочетании с указателями: «非常了解. 从小在他们身边长大; 基本状况都清楚» (fēicháng liǎojiě. cóng xiǎo zài tāmen shēnbiān zhǎngdà; jīběn zhuàngkuàng dōu qīngchū – прекрасно осведомлен [указатель]. С малых лет росла рядом с ними [нарратив]; хорошо знаю основные обстоятельства [указатель]). В нарративах респонденты рассказывали о происхождении семьи («他们来自山东» (tāmen láizì shāndōng – они выходцы из провинции Шаньдун)), о событиях в жизни семьи, совпавших со знаковыми событиями в жизни страны («经历过文化大革命 大跃进人民公社化运动» (jīnglì guo wénhuà dà géming dà yuèjìn rénmin gōngshèhuà yùndòng – пережили Культурную революцию, политику большого скачка и движение народных коммун)), о том, что было раньше (以前是老师» (yǐqián shì lǎoshī – раньше были учителями)), о переходах из одного состояния в другое («就知道在我很小时候去世» (jiù zhīdao zài wǒ hěn xiǎo shíhou qùshì – только знаю, что они скончались, когда я еще был маленьким), «他们结婚六十年了» (tāmen jiéhūn liùshí nián le – они женаты уже 60 лет).

Примерно равно количество различных вариантов тематической организации собственно нарративов. По 5 высказываний относятся к рематической и тема-рематической конструкциям, оставшиеся четыре – к тема-рематической с уточнением. Более высокий процент тема-рематических конструкций с уточнением отвечает природе нарратива – развертыванием основной сюжетной линии даже в рамках кратких ответов. Немал процент и рематических высказываний, когда ответ является логическим продолжением вопроса без отсылки к информации, уже заложенной в нем.

Компрессионные семейные нарративы о прабабушках и прадедушках. Очень многие респонденты значительно меньше осведомлены о поколении своих пра: 7 человек (6%) пропустили данный вопрос, а 57 (50%) ответили «不知道» (bù zhīdào – не знаю), «不了解» (bù liǎojiě – не знаю) и т.п.

Из тех, кто рассказал о своих прабабушках и прадедушках, 24 респондента (21%) использовали указатели, 10 (9%) – нарративы, 9 (8%) – дескриптивы, 4 (3,5%) – нарративно-дескриптивные высказывания и 2 респондента (2%) – сочетание нарративов и указателей.

Среди указателей больше были распространены рематические конструкции (14 высказываний – 12%) и чуть меньше – тема-рематические (10 ответов – 9%). Чаше всего респонденты указывали на свое знание о хобби (5), знаке зодиака, годе рождения, возрасте, истории – по четыре упоминания каждой категории. Четыре человека указали на малое количество имеющейся у них информации. Остальные категории – дни рождения, место проживания, профессии и т.д. – не встречались в данной группе более 2 раз.

Среди нарративов (и их сочетаний с указателями) пять высказываний относятся к рематическому типу, а семь – к тема-рематическому. В нарративах говорилось о прошлых занятиях («以前是银行职员» (yǐqián shì yínháng zhíyuán – в прошлом были служащими банка)), знаковых событиях («参加过抗战» (cānjiā guo kàngzhàn – принимали участие в антияпонской войне 1937–1945 гг.); «经历过战争» (jīnglì guo zhànzhēng – пережили войну)), прежнем месте жительства и изменении состояния («曾祖父母生活在南方, 从商, 后来遭遇变革, 生活下降» (zēng zǔfùmǔ shēnghuó zài nánfāng, cóng shāng, hòulái zāoyù biàngé, shēnghuó xiàjiàng – прабабушка и прадедушка жили на юге Китая, занимались торговлей, впоследствии произошли кардинальные изменения, уровень жизни упал)). Но чаще всего (в 6 случаях) упоминался факт их кончины: «她活 80 去世了» (tā huó 80 qùshì le – она дожила до 80 лет и скончалась), «我出生时已去世» (wǒ chūshēng shí yǐ qùshì – когда я родился, их уже не было в живых) и др.

В дескриптивах респонденты давали характеристику («很传统的中国人» – hěn chuántǒng de zhōngguó rén – очень традиционные китайцы), оценку («慈祥, 善良» – cíxiáng, shànliáng – добросердечные, порядочные), описывали таланты и умения («老爷爷会做德州扒鸡» – lǎoyéye huì zuò dézhōu bā jī – прадедушка умел готовить фазана Дэчжоу (пряный цыпленок без костей, фирменное блюдо города Дэчжоу провинции Шандунь),会说俄语, 不会说英语» – huì shuō éyǔ bù huì shuō yīngyǔ – владели русским языком, не владели английским)), место жительства («一直在农村生活» – yīzhí zài nóngcūn shēnghuó – всю жизнь прожили в деревне), упоминали возраст («99 岁 还活着» – 99 suì hái huózhe – 99 лет, еще жив(ы)), род деятельности («曾祖父是一名军人» – zēng zǔfù shì yī míng jūnrén – прадед был военнослужащим). Практически все дескриптивы (за исключением двух тема-рематических) представляют собой рематические конструкции.

Четыре респондента прибегли к нарративно-дескриптивному описанию своих пра – в их компрессионных семейных нарративах сочеталась информация, например, о роде деятельности (дескриптив) и состояниях перехода (собственно нарратив) («曾祖父是一名军人。战死沙场。曾祖母是一名农村妇女。丈夫死后 改嫁» – zēng zǔfù shì yī míng jūnrén. zhànshǐ shāchǎng. zēngzǔmǔ shì yī míng nóngcūn fùnǚ. zhàngfu sǐhòu gǎijià – Прадед был военнослужащим. Погиб на поле боя. Прабабушка была деревенской женщиной. После смерти мужа вышла замуж во второй раз), о кончине (нарратив) и составе семьи (дескриптив) («曾祖父得病去世, 兄弟很多» – zēng zǔfù débìng qùshì, xiōngdì hěn duō – Прадед заболел и умер, [у него было] много братьев и сестер). Одно сообщение

построено по тема-рематическому типу с уточнением, одно – по рематическому, остальные два – по тема-рематическому.

Высказывания респондентов о составе своей семьи. Как правило, все респонденты отвечали на вопрос о том, кого они относят к своей семье, предельно кратко – простым перечислением членов своей семьи. Для разделения на письме использовались не только знаки препинания (запятые или точки), но и просто пробелы. Всего два респондента использовали в ответе на данный вопрос полноценные высказывания – дескриптивные расчлененные (тема-рематические).

Проанализировав состав семей, обозначенный респондентами, мы обнаружили, что

1) Лишь один респондент не включил в состав своей семьи родителей. Все остальные использовали либо совместную номинацию (父母 – fùmǔ – родители) – 36 человек (32%), либо комбинацию раздельных: 爸爸/爸/父亲/我爸(爸) (bàba – папа / bà – папа, отец / fùqin – отец / wǒ bà(ba) – мой папа) и 妈妈/妈/母亲/我妈(妈) (māma – мама / mā – мама, мать / mǔqin – мать / wǒ mā(ma) – моя мама) – 73 человека (65%). Один респондент указал только папу, еще один – только маму. В одном ответе мама была включена в состав семьи, но указывалось, что она уже умерла («我的家庭里面有弟弟，姐姐，爸爸 还有离世的妈妈» – wǒ de jiāting lǐmiàn yǒu dìdì, jiějie, bàba hái yǒu líshì de māma – досл. В моей семье есть младший брат, старшая сестра, папа и еще скончавшаяся мама);

2) 50 респондентов (44 %) указали себя при перечислении членов своей семьи, из них 49 использовали лексему 我 (wǒ – я), а один – лексему 自己 (zìjǐ – сам, себя). При этом при перечислении 11 человек (10%) поставили себя на первое место, 33 (29%) – на последнее, а 6 (5%) – между другими членами семьи;

3) только один респондент включил в состав своей семьи животное (собаку), указав ее кличку («我爸 我妈 我 还有翟胖胖» – wǒ bà wǒ mā hái yǒu dí pàngpang – мой папа, моя мама, еще есть толстенький Ди);

4) 104 респондента (92%) включили в состав своей семьи только кровных родственников по прямой линии: детей, родителей, бабушек, дедушек). Упомянули кровных родственников по боковым линиям 4 человека (2 – только по отцу, 2 – по матери и отцу), еще 4 – не только кровных родственников по боковым линиям, но и их семьи (супругов, детей);

5) 62 респондента (55%) включили в состав своей семьи только представителей двух поколений: своего и родительского. Из них «классическая» в недавнем прошлом семья (субъект + родители) представлена в ответах 38 человек (34%). Включили в свой ответ также братьев и сестер 23 респондента (20%), а еще один – тетей-дядей;

6) 49 человек (43%) обозначили в своих ответах трехпоколенную семью, включив в ее состав бабушек и дедушек: так же, как и в случае с

родителями, в двух вариациях – в виде собирательных номинаций (9 ответов) (祖父母 (zǔfùmǔ – бабушка и дедушка по отцу), 外祖父母 (wài zǔfùmǔ – бабушка и дедушка по матери)) или раздельных (27 ответов) (например, «爷爷 奶奶 姥姥 姥爷» – yéye nǎinai lǎolao lǎoyé – дедушка по отцу, бабушка по отцу, бабушка по матери, дедушка по матери или «我爷 我奶» – wǒ yé wǒ nǎi – мой дедушка по отцу, моя бабушка по отцу). Либо упоминались отдельно (в 13 анкетах), например, в ответе «妈妈 姥姥» (māma lǎolao – мама, бабушка со стороны матери). Еще два человека также обозначили трехпоколенную семью, включив в нее родителей и детей (т.е. предыдущее и последующее от себя поколения);

7) всего 10 респондентов (9%) использовали соединительный союз 和 (hé – соединительный союз «и», «да») и выражение 还有 (háiyǒu – еще имеется, еще есть) для завершающего присоединения перечисляемых членов семьи. В 7 случаях (6%) присоединяемой лексемой являлась 我 (wǒ – я).

Высказывания респондентов о круге своего семейного общения.

Второй вопрос анкеты касался круга семейного общения респондентов. Три человека ответили на данный вопрос «没联系» (méi liánxì – контакты отсутствуют), «没有» (méiyǒu – не имеется) и «孤家寡人 无牵无挂» (gūjiāguǎrén wúqiānwúguà – [я] одиночка, которого ничего не связывает).

26 респондентов (23%) использовали собирательные номинации, среди которых самыми распространенными были различные варианты лексемы «все»: «都有» (dōu yǒu – со всеми), «所有的» (suǒyǒu de – все) и т.д., а также «很多» (hěnduō – очень много, множество). Другие респонденты прибегали к собирательным номинациям с уточнениями: «父辈直系 母辈直系» (fù bèi zhíxì mǔ bèi zhíxì – прямые родственники со стороны отца и со стороны матери), «父母家族的亲戚» (fùmǔ jiāzú de qīnqī – досл. родственники родительских семей), «父母辈的兄弟姐妹» (fùmǔ bèi de xiōngdì jiěmèi – братья и сестры родителей) и т.д. Один респондент указал на самый широкий круг общения – «无论是近亲还是远亲都有联系» (wúlùn shì jìnqīn háishì yuǎnqīn dōu yǒu liánxì – вне зависимости от того, близкая родня или дальняя, – со всеми общаемся).

Два респондента начинали перечисление с конкретных номинаций, а затем указывали на то, что есть и другие. А один респондент, напротив, сначала использовал собирательную номинацию, а затем – конкретную «近亲. 舅舅家.» (jìnqīn. jiùjiu jiā – близкие родственники. Семья дяди со стороны матери).

81 респондент (72%) обозначил круг своего семейного общения перечислением конкретных родственников номинаций. При этом 18 человек (16%) указали только родственников со стороны отца, например «叔叔 婶婶» (shūshu shěnshe – дядя (младший брат отца), жена младше-

го брата отца), 13 (11,5%) – только со стороны матери, например «姥姥 姥爷 舅舅 舅妈 表妹» (lǎolao lǎoyé jiùjiu jiùmā biǎomèi – бабушка со стороны матери, дедушка со стороны матери, дядя со стороны матери, жена брата матери, младшая двоюродная сестра по материнской линии), 46 (41%) – с обеих сторон, например «舅舅 叔叔 表哥 表姐» (jiùjiu shūshu biǎogē biǎojiě – дядя со стороны матери, дядя (младший брат отца), старший двоюродный брат по материнской линии, старшая двоюродная сестра по материнской линии), а 4 (3,5%) – только членов своей непосредственной (малой) семьи «父母 哥» (fùmǔ gē – родители, старший брат).

Большинство респондентов (58 человек – 51%) упомянули только кровных родственников («姑姑 大爷 伯伯 表兄妹» (gūgu dàye bóbo biǎo xiōngmèi – тетья по отцу, дядя по отцу, дядя (старший брат отца), двоюродные братья и сестры)), оставшиеся 23 (20%) включили в перечисление и родственников по свойству: «姑 姑父 大爷 大娘» (gū gūfu dàye dàniáng – тетья по отцу, муж тети по отцу, старший брат отца, жена старшего брата отца).

Если проанализировать, представители каких поколений были включены в круг семейного общения, то большая часть респондентов, судя по ответам, общается с поколением своих родителей (дядями и тетями) – их упомянули 77 человек (68%). При этом 29 респондентов упомянули только поколение родителей, 20 – в сочетании со своим поколением, 14 – в сочетании с поколением бабушек-дедушек, а еще 14 – в сочетании со своим поколением и поколением бабушек-дедушек. Собственное поколение (братья и сестры) было упомянуто 37 раз (33%): 2 человека указали только его, 20 – в сочетании с родительским, 14 – в сочетании с родительским, а также поколением бабушек-дедушек, 1 – в сочетании с поколением бабушек-дедушек. Чуть меньше, судя по ответам, респонденты общаются с поколением бабушек-дедушек – оно было упомянуто в общей сложности в 32 анкетах (28%).

Заключение

Источником компрессионных семейных нарративов служит сама история семьи. Вторая группа вопросов в анкете (3–5) предполагает, что респонденты выносят свое суждение на основе предыдущего опыта (имевшего место характера общения в семье, событий, случавшихся в ее жизни, и реакции на них субъектов семьи и т.п.). Поэтому подобные высказывания позволяют нам дать характеристику не только настоящему, но и прошлому (на фундаменте которого оно строится). При этом любой из компрессионных семейных нарративов может быть развернут – в подходящих для этого условиях – в полноценное повествование о семье, жизни и / или истории семьи и о любом из ее субъектов.

Часто то, чем мы гордимся в истории своей семьи, то, что мы часто слышим от других членов семьи, а также то, какой образ семьи создаем, постепенно становится вновь и вновь воспроизводимым рассказом и в конце концов «концентрируется» в компрессионном семейном нарративе. При этом семейный нарратив имеет четкую ориентацию на реципиента информации: посредством семейных нарративов (обычных и компрессионных) мы создаем определенный облик своей семьи и ее субъектов в глазах слушающего / читателя. Сама семейная история не имеет четких границ, как правило, она передается отдельными «кусками», может разветвляться и «собираться» вновь, часть информации в процессе ее генерации может целенаправленно умалчиваться или утаиваться, а может просто забываться или искажаться. При этом история семьи, ее субъектов является значимым лейтмотивом в нашей коммуникации – как внутрисемейной, так и «внешней» (по отношению к семье). В итоге в процессе нашего общения, а также под влиянием общества и культуры, в которых мы живем, «оттачиваются» определенные характеристики нашей семьи, которые со временем превращаются в (компрессионные) семейные нарративы, концентрирующие и передающие «вовне» образ нашей семьи и ее субъектов.

Использование графических элементов (как схем, так и рисунков) является типичным для представления семейных историй. И прибегание к ним даже в рамках анкетирования свидетельствует о естественной связи нарративов и графики.

Литература

1. **Riessman C.K.** Narrative analysis // Narrative, Memory & Everyday Life. Huddersfield : University of Huddersfield, 2005. P. 1–7.
2. **Habermas T., Köber Ch.** Autobiographical reasoning in life narratives buffers the effect of biographical disruptions on the sense of self-continuity // Memory. 2015. Vol. 23, is. 5. P. 664–674. DOI: 10.1080/09658211.2014.920885
3. **Takahashi T.** Autobiographical self-translation – translator as the author, narrator and protagonist // The Translator. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1080/13556509.2019.1588932>
4. **Otwinowska A., Mieszkowska K., Bialecka-Pikul M., Opacki M., Haman E.** Retelling a model story improves the narratives of Polish-English bilingual children // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2018. DOI: 10.1080/13670050.2018.1434124
5. **Grenner E., Åkerlund V., Asker-Árnason L., van de Weijer J., Johansson V., Sahlén B.** Improving narrative writing skills through observational learning: a study of Swedish 5th-grade students // Educational Review. 2018. DOI: 10.1080/ 00131911.2018.1536035
6. **Wilby K.J., Govaerts M., Austin Z., Dolmans D.** Discriminating Features of Narrative Evaluations of Communication Skills During an OSCE // Teaching and Learning in Medicine. 2019. Vol. 31, is. 3. P. 298–306. DOI: <https://doi.org/10.1080/10401334.2018.1529570>
7. **Romney M.R., Johnson G.** Show me a story: narrative, image, and audience engagement on sports network Instagram accounts // Information, Communication & Society. 2018. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1486868
8. **Meekings S.** Writing through Loss: The Rise of Grief Narratives through the Lens of Linville's Self-complexity Theory // Life Writing. 2018. Vol. 16, is. 3. P. 413–427. DOI: 10.1080/14484528.2018.1537048

9. **Spector-Mersel G., Ben-Asher S.** Styles of narrative selection in crafting life stories // *Qualitative Research in Psychology*. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1080/14780887.2018.1545064>
10. **Habermas T., Döll-Hentschker S.** The form of the story: Measuring formal aspects of narrative activity in psychotherapy // *Psychotherapy Research*. 2017. Vol. 27, is. 3. P. 300–312. DOI: 10.1080/10503307.2016.1259534
11. **Ulatowska H.K., Reyes B., Santos T.O., Garst D., Vernon J., McArthur J.** Personal Narratives in Aphasia: Understanding Narrative Competence // *Topics in Stroke Rehabilitation*. 2013. Vol. 20, is. 1. P. 36–43. DOI: 10.1310/tsr2001-36
12. **Köber Ch., Habermas T.** Development of Temporal Macrostructure in Life Narratives Across the Lifespan // *Discourse Processes*. 2017. Vol. 54, is. 2. P. 143–162. DOI: 10.1080/0163853X.2015.1105619
13. **O'Toole J.** Institutional storytelling and personal narratives: reflecting on the 'value' of narrative inquiry // *Irish Educational Studies*. 2018. Vol. 37, is. 2. P. 175–189. DOI: 10.1080/03323315.2018.1465839
14. **Lindley S.E.** Before I Forget: From Personal Memory to Family History // *Human-Computer Interaction*. 2012. Vol. 27, is. 1–2. P. 13–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/233483417_Before_I_Forget_From_Personal_Memory_to_Family_History
15. **D'Abate D.A.** Use of solution-focused and family narrative approaches in working with high conflict families: Strategies and techniques that can be utilized in parenting coordination and co-parenting coaching // *Journal of Child Custody*. 2016. Vol. 13, is. 4. P. 269–288. DOI: 10.1080/15379418.2016.1247308
16. **Buttle F., Groeger L.** Who says what to whom in what channel? A rules theoretic perspective on word-of-mouth marketing // *Journal of Marketing Management*. 2017. Vol. 33, is. 13–14. P. 1035–1059. DOI: 10.1080/0267257X.2017.1325390
17. **Tsakalou D., Hamilton L., Brown J.** Institutional narratives and the struggle for inclusive communities in the Greek context // *International Journal of Inclusive Education*. 2018. DOI: 10.1080/13603116.2018.1464605
18. **Thompson M.A.** Now you're making it up, brother: Paul Robeson, HUAC, and the challenge of institutional narrative authority // *Quarterly Journal of Speech*. 2019. Vol. 105, is. 2. P. 156–181. DOI: 10.1080/00335630.2019.1595101
19. **Naidoo J., Muthukrishna N., Nkabinde R.** The journey into motherhood and schooling: narratives of teenage mothers in the South African context // *International Journal of Inclusive Education*. 2019. DOI: 10.1080/13603116.2019.1600053
20. **Lessard S., Caine V., Clandinin D.J.** Exploring neglected narratives: understanding vulnerability in narrative inquiry // *Irish Educational Studies*. 2018. Vol. 37, is. 2. P. 191–204. DOI: 10.1080/03323315.2018.1465835
21. **Heller J.** Reading “wrecks of history” and the Harley family narrative // *The Seventeenth Century*. 2017. Vol. 32, is. 2. P. 139–159. DOI: 10.1080/0268117X.2017.1287590
22. **Pangborn S.M.** Narrative Resources amid Unspeakable Grief: Teens Foster Connection and Resilience in Family Storytelling // *Journal of Family Communication*. 2019. Vol. 19, is. 2. P. 95–109. DOI: 10.1080/15267431.2019.1577250
23. **Habermas T., Berger N.** Retelling everyday emotional events: Condensation, distancing, and closure // *Cognition and Emotion*. 2011. Vol. 25, is. 2. P. 206–219. DOI: 10.1080/02699931003783568
24. **Gubrium J.F., Holstein J.A.** Narrative ethnography // *Handbook of emergent methods*. SH.N / Hesse-Biber, P. Leavy (eds.). Guilford Press, 2008. P. 241–264.
25. **Hampshire K., Iqbal N., Blell M., Simpson B.** The interview as narrative ethnography: seeking and shaping connections in qualitative research // *International Journal of Social Research Methodology*. 2014. Vol. 17, is. 3. P. 215–231. DOI: 10.1080/13645579.2012.729405

26. **Eichsteller M.** There is more than one way – a study of mixed analytical methods in biographical narrative research // *Contemporary Social Science*. 2018. DOI: 10.1080/21582041.2017.1417626
27. **Scharp K.M., Thomas L.J.** Family “Bonds”: Making Meaning of Parent–Child Relationships in Estrangement Narratives // *Journal of Family Communication*. 2016. Vol. 16, is. 1. P. 32–50. DOI: 10.1080/15267431.2015.1111215
28. **Hendry M.P., Ledbetter A.M.** Narrating the Past, Enhancing the Present: The Associations Among Genealogical Communication, Family Communication Patterns, and Family Satisfaction // *Journal of Family Communication*. 2017. Vol. 17, is. 2. P. 117–136. DOI: 10.1080/15267431.2016.1249873
29. **Thomas L.J., Jackl J.A., Crowley J.L.** “Family? ... Not Just Blood”: Discursive Constructions of “Family” in Adult, Former Foster Children’s Narratives // *Journal of Family Communication*. 2017. Vol. 17, is. 3. P. 238–253. DOI: 10.1080/15267431.2017.1310728
30. **Scharp K.M., Thomas L.J.** Making Meaning of the Parent – Child Relationship: A Dialogic Analysis of Parent-Initiated Estrangement Narratives // *Journal of Family Communication*. 2018. Vol. 18, is. 4. P. 302–316. DOI: 10.1080/15267431.2018.1484747
31. **Horstman H.K., Colaner C.W., Nelson L.R., Bish A., Hays A.** Communicatively Constructing Birth Family Relationships in Open Adoptive Families: Naming, Connecting, and Relational Functioning // *Journal of Family Communication*. 2018. Vol. 18, is. 2. P. 138–152. DOI: 10.1080/15267431.2018.1429444
32. **Cronin-Fisher V., Parcell E.S.** Making Sense of Dissatisfaction during the Transition to Motherhood through Relational Dialectics Theory // *Journal of Family Communication*. 2019. Vol. 19, is. 2. P. 157–170. DOI: 10.1080/15267431.2019.1590364
33. **Ong W.J.** Oral, remembering and narrative structures // *Analyzing Discourse: Text and Talk* / D. Tannen (ed.). Washington D.C. : Georgetown University Press, 1982. P. 12–24.
34. **Bluck S., Alea N., Habermas T., Rubin D.C.** A TALE of three functions: The self-reported uses of autobiographical memory // *Social Cognition*. 2005. Vol. 23, № 1. P. 91–117. DOI: 10.1521/soco.23.1.91.59198
35. **Bluck S., Alea N.** Exploring the functions of autobiographical memory: Why do I remember the autumn? // *Critical advances in reminiscence work* / J.D. Webster, B.K. Haight (eds). New York, NY : Springer Publishing Company, 2002. P. 61–75.
36. **Pillemer D.B.** Remembering personal circumstances: A functional analysis // *Affect and accuracy in recall: Studies of «flash- bulb» memories (Emory symposia in cognition 4th ed.)* / E. Winograd, U. Neisser (eds). New York : Cambridge University Press, 1992. P. 236–264.
37. **Горбунова О.В.** Механизмы памяти в «Нечего бояться» Джулиана Барнса // *Известия Саратовского университета*. 2011. Т. 11, № 4. С. 106–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17253510>
38. **Ярская-Смирнова Е.Р.** Нарративный анализ в социологии // *Социологический журнал*. 1997. № 3. С. 38–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24059622>
39. **Гуляева Т.В.** Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2009. № 2. С. 36–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11774816>
40. **Беспалова Ю.М.** Нарративный поворот в социологии и проблема сохранения семейно-родовой памяти // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2015. № 3. С. 21–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23605042>
41. **Меньшикова Е.Е.** Идеологемы в туристическом нарративе // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 229–235. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17425527>
42. **Labov W.** Speech actions and reactions in personal narrative // *Analyzing Discourse: Text and Talk* / D. Tannen (ed.). Washington D.C. : Georgetown University Press, 1982. P. 219–147.

43. **Вертынская Л.А.** Нарратив в практике исследования семьи // Психология семьи в современном мире : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2017. С. 91–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32722587>
44. **Алеицанова И.В.** Нарратив как культурная модель // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, № 1. С. 38–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9427641>
45. **Шейгал Е.И.** Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 86–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11672097>
46. **Панфилов В.С.** Коммуникативный синтаксис китайского языка // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 64–83.

Сведения об авторе:

Помникова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (Владивосток, Россия). E-mail: pomnikova_a@mail.ru

Поступила в редакцию 22 января 2020 г.

CHINESE STUDENTS' COMPRESSIVE FAMILY NARRATIVES

Pomnikova A.Yu., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia). E-mail: pomnikova_a@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/49/6

Abstract. The article deals with the material collected as a result of a survey in which respondents – Chinese students aged 17–26 – were asked to tell about their families and older generations (the second part of the questionnaire), and indicate their family members and the circle of family communication (the first part of the questionnaire). The purpose of our study was to explore what do the modern Chinese citizens say about their families and how they do it when they are asked to answer the relevant questions in the questionnaire. This method assumes the brevity (laconism) of the answers, which allows the researcher to collect rich material of compressive (as brief as possible) messages on a given topic. To achieve this goal, we solved the following tasks: 1) described and terminologically determined the variety of narratives presented in the collected questionnaires; 2) revealed the presence and frequency of various types of family narratives in the collected materials; 3) analyzed the structure and content of each group of family narratives. From the point of view of the addressees, we classify all the respondents' answers in the second part of the questionnaire as compressive family narratives, since each of them “hides” (and can reveal) a whole family history. These are brief, extremely “compressed” descriptions of everything that relates to the family: itself, its subjects, relationships within it, etc. For the speaker / writer every word in such a description contains a whole story with numerous references to the past, but the recipient of information perceives only those things that have been said / written directly, taking into account the experience and knowledge that he / she possesses. Therefore, from the point of view of the recipient of information, we divided all statements into four types: narrative, descriptive, narrative-descriptive and indicatory ones. Compressive family narratives were also analyzed from the point of view of communicative syntax, resorting to the classification proposed by V.S. Panfilov in his article “Communicative syntax of Chinese language”. The present article examined not only how respondents talk about their family, but also what they convey, i.e. what kind of information about their families and its subjects they transmit outside (in extra-family discourse). The answers in the first part of the questionnaire make it possible to judge whom the respondents – young citizens of the People's Republic of China – consider to be their families and which relatives they maintain communication with.

Keywords: Narratives; family narratives; compressive narratives; China; family; family history; family stories.

References

1. Riessman C.K. (2005) Narrative analysis // *Narrative, Memory & Everyday Life*. University of Huddersfield, Huddersfield. pp. 1–7.
2. Habermas T., Köber Ch. (2015) Autobiographical reasoning in life narratives buffers the effect of biographical disruptions on the sense of self-continuity // *Memory*. Vol. 23. Issue 5. pp. 664–674. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2014.920885>
3. Takahashi T. (2019) Autobiographical self-translation – translator as the author, narrator and protagonist // *The Translator*. DOI: <https://doi.org/10.1080/13556509.2019.1588932>
4. Otwinowska A., Mieszkowska K., Białecka-Pikul M., Opacki M., Haman E. (2018) Retelling a model story improves the narratives of Polish-English bilingual children // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050.2018.1434124>
5. Grenner E., Åkerlund V., Asker-Árnason L., van de Weijer J., Johansson V., Sahlén B. (2018) Improving narrative writing skills through observational learning: a study of Swedish 5th-grade students // *Educational Review*. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131911.2018.1536035>
6. Wilby K. J., Govaerts M., Austin Z., Dolmans D. (2019) Discriminating Features of Narrative Evaluations of Communication Skills During an OSCE // *Teaching and Learning in Medicine*. Vol. 31 (3). pp. 298–306. DOI: <https://doi.org/10.1080/10401334.2018.1529570>
7. Romney M., R. Johnson G. (2018) Show me a story: narrative, image, and audience engagement on sports network Instagram accounts // *Information, Communication & Society*. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1486868>
8. Meekings S. (2018) Writing through Loss: The Rise of Grief Narratives through the Lens of Linville's Self-complexity Theory // *Life Writing*. Vol. 16 (3). Pp. 413–427, DOI: <https://doi.org/10.1080/14484528.2018.1537048>
9. Spector-Mersel G., Ben-Asher S. (2018) Styles of narrative selection in crafting life stories // *Qualitative Research in Psychology*. DOI: <https://doi.org/10.1080/14780887.2018.1545064>
10. Habermas T., Döll-Hentschker S. (2017) The form of the story: Measuring formal aspects of narrative activity in psychotherapy // *Psychotherapy Research*. Vol. 27 (3). pp. 300–312. DOI: <https://doi.org/10.1080/10503307.2016.1259534>
11. Ulatowska H. K., B. Reyes, T. O. Santos, D. Garst, J. Vernon, J. McArthur (2013) Personal Narratives in Aphasia: Understanding Narrative Competence // *Topics in Stroke Rehabilitation*. Vol. 20 (1). pp. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.1310/tsr2001-36>
12. Köber Ch., Habermas T. (2017) Development of Temporal Macrostructure in Life Narratives Across the Lifespan // *Discourse Processes*. Vol. 54 (2). pp. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163853X.2015.1105619>
13. O'Toole J. (2018) Institutional storytelling and personal narratives: reflecting on the 'value' of narrative inquiry // *Irish Educational Studies*. Vol. 37 (2). pp. 175–189. DOI: <https://doi.org/10.1080/03323315.2018.1465839>
14. Lindley S.E. (2012) Before I Forget: From Personal Memory to Family History // *Human-Computer Interaction*. Vol. 27 (1-2). pp. 13–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/233483417_Before_I_Forget_From_Personal_Memory_to_Family_History
15. D'Abate D. A. (2016) Use of solution-focused and family narrative approaches in working with high conflict families: Strategies and techniques that can be utilized in parenting coordination and co-parenting coaching // *Journal of Child Custody*. Vol. 13 (4). pp. 269–288. DOI: <https://doi.org/10.1080/15379418.2016.1247308>

16. Buttle F., Groeger L. (2017) Who says what to whom in what channel? A rules theoretic perspective on word-of-mouth marketing // *Journal of Marketing Management*. Vol. 33 (13-14). pp. 1035–1059. DOI: <https://doi.org/10.1080/0267257X.2017.1325390>
17. Tsakalou D., Hamilton L., Brown J. (2018) Institutional narratives and the struggle for inclusive communities in the Greek context // *International Journal of Inclusive Education*. DOI: <https://doi.org/10.1080/13603116.2018.1464605>
18. Thompson M. A. (2019) Now you're making it up, brother: Paul Robeson, HUAC, and the challenge of institutional narrative authority // *Quarterly Journal of Speech*. Vol. 105 (2). pp. 156–181. DOI: <https://doi.org/10.1080/00335630.2019.1595101>
19. Naidoo J., Muthukrishna N., Nkabinde R. (2019) The journey into motherhood and schooling: narratives of teenage mothers in the South African context // *International Journal of Inclusive Education*. DOI: <https://doi.org/10.1080/13603116.2019.1600053>
20. Lessard S., Caine V., Clandinin D. J. (2018) Exploring neglected narratives: understanding vulnerability in narrative inquiry // *Irish Educational Studies*. Vol. 37 (2). pp. 191–204. DOI: <https://doi.org/10.1080/03323315.2018.1465835>
21. Heller J. (2017) Reading “wrecks of history” and the Harley family narrative // *The Seventeenth Century*. Vol. 32 (2). pp. 139–159. DOI: <https://doi.org/10.1080/0268117X.2017.1287590>
22. Pangborn S.M. (2019) Narrative Resources amid Unspeakable Grief: Teens Foster Connection and Resilience in Family Storytelling // *Journal of Family Communication*. Vol. 19 (2). pp. 95–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/15267431.2019.1577250>
23. Habermas T., Berger N. (2011) Retelling everyday emotional events: Condensation, distancing, and closure // *Cognition and Emotion*. Vol. 25 (2). pp. 206–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699931003783568>
24. Gubrium J. F., Holstein J.A. (2008) Narrative ethnography // *Handbook of emergent methods*. SH.N. Hesse-Biber, P. Leavy (eds.). Guilford Press. pp. 241–264.
25. Hampshire K., Iqbal N., Blell M., Simpson B. (2014) The interview as narrative ethnography: seeking and shaping connections in qualitative research // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 17 (3). pp. 215–231. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645579.2012.729405>
26. Eichsteller M. (2018) There is more than one way – a study of mixed analytical methods in biographical narrative research // *Contemporary Social Science*. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2017.1417626>
27. Scharp K. M., Thomas L. J. (2016) Family “Bonds”: Making Meaning of Parent–Child Relationships in Estrangement Narratives // *Journal of Family Communication*. Vol. 16 (1). pp. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.1080/15267431.2015.1111215>
28. Hendry M.P., Ledbetter A.M. (2017) Narrating the Past, Enhancing the Present: The Associations Among Genealogical Communication, Family Communication Patterns, and Family Satisfaction // *Journal of Family Communication*. Vol. 17 (2). pp. 117–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/15267431.2016.1249873>
29. Thomas L. J., Jackl J. A., Crowley J. L. (2017) “Family? ... Not Just Blood”: Discursive Constructions of “Family” in Adult, Former Foster Children’s Narratives // *Journal of Family Communication*. Vol. 17 (3). pp. 238–253. DOI: <https://doi.org/10.1080/15267431.2017.1310728>
30. Scharp K.M., Thomas L.J. (2018) Making Meaning of the Parent–Child Relationship: A Dialogic Analysis of Parent-Initiated Estrangement Narratives // *Journal of Family Communication*. Vol. 18 (4). pp. 302–316. DOI: <https://doi.org/10.1080/15267431.2018.1484747>
31. Horstman H. K., Colaner C. W., Nelson L. R., Bish A., Hays A. (2018) Communicatively Constructing Birth Family Relationships in Open Adoptive Families: Naming, Connecting, and Relational Functioning // *Journal of Family Communication*. Vol. 18 (2). pp. 138–152. DOI: <https://doi.org/10.1080/15267431.2018.1429444>

32. Cronin-Fisher V., Parcell E.S. (2019) Making Sense of Dissatisfaction during the Transition to Motherhood through Relational Dialectics Theory // *Journal of Family Communication*. Vol. 19. Issue 2. pp. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.1080/15267431.2019.1590364>
33. Ong W. J. (1982) Oral, remembering and narrative structures // *Analyzing Discourse: Text and Talk*. D. Tannen (Ed.). Washington D.C., Georgetown University Press, pp. 12–24.
34. Bluck S., Alea N., Habermas T., Rubin D. C. (2005) A TALE of three functions: The self-reported uses of autobiographical memory // *Social Cognition*. Vol. 23 (1). pp. 91–117. DOI: <https://doi.org/10.1521/soco.23.1.91.59198>
35. Bluck S., Alea N. (2002) Exploring the functions of autobiographical memory: Why do I remember the autumn? // *Critical advances in reminiscence work*. Webster J. D., Haight B. K. (eds). New York, NY: Springer Publishing Company. pp. 61–75.
36. Pillemer D. B. (1992) Remembering personal circumstances: A functional analysis // *Affect and accuracy in recall: Studies of «flash- bulb» memories (Emory symposia in cognition 4th ed.)* E. Winograd & U. Neisser (Eds.). New York: Cambridge University Press. pp. 236–264.
37. Gorbunova O.V. (2011) Mechanisms of Memory in «Nothing to be Frightened Of» by Julian Barnes // *The Bulletin of Saratov University*. Vol. 11 (4). pp. 106–111. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17253510>
38. Yarskaya-Smirnova E.R. (1997) Narrative analysis in sociology // *Sociological journal*. 3. pp. 38–61. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24059622>
39. Gulyaeva T.V. (2009) Political discourse and fiction: the points of contact // *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2. pp. 36–40. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11774816>
40. Beshpalova Yu.M. (2015) Narrative turn in sociology and the problem of preserving family-tribal memory // *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 3. pp. 21–24. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23605042>
41. Menshikova E.E. (2011) Idiologems in tourist narrative // *Political Linguistics*. 4 (38). pp. 229–235. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17425527>
42. Labov W. (1982) Speech actions and reactions in personal narrative // *Analyzing Discourse: Text and Talk*. D. Tannen (Ed.). Washington D.C., Georgetown University Press. pp. 219–147.
43. Vertinskaya L.A. (2017) Narrative in the practice of family studies // *The proceedings of the conference «Family Psychology in the Modern World»*. Yekaterinburg, pp. 91–95. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32722587>
44. Aleshchanova I.V. (2006) Narrative as a cultural model // *The Bulletin of Novosibirsk State University*. Vol. 4 (1). pp. 38–43. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9427641>
45. Sheigal E.I. (2007) The Many Faces of Narrative // *Political Linguistics*. 2 (22). pp. 86–93. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11672097>
46. Panfilov V.S. (2010) Communicative syntax of Chinese language // *Voprosy Jazykoznanija*. 2. pp. 64–83.

Received 22 January 2020